

Медицинский лагерь армии Ван Цзина расположился в относительно защищенной от ветра долине. Несколько десятков серых, побитых жизнью палаток стояли стройными рядами, а воздух был пропитан густым, невыветриваемым запахом лекарственных трав, крови и тяжелой, гнетущей атмосферой, свойственной местам, где скапливаются раненные. По сравнению с суровой Тренировочной площадкой, здесь царило еще более гнетущее настроение, то и дело прерываемое стонами боли и сдавленным кашлем.

Цинь Фэн привел Су Чэ к одной из палаток покрупнее и, откинув полог, вошел внутрь.

Внутри было полутемно. Пожилой военный лекарь с седыми волосами и изможденным, скорбным лицом, согнувшись в три погибели, с трудом менял повязку стонущему воину. Ужасающая рана на животе солдата уже загноилась, источая зловоние. Лекарь действовал грубо, с той особой оцепенелостью человека, который привык видеть смерть каждый день, и от его манипуляций раненый едва не терял сознание.

— Лекарь Ли. — Голос Цинь Фэна нарушил гнетущую тишину.

Лекарь Ли поднял голову, увидел Цинь Фэна и поспешно остановился, почтительно произнеся:

— Командир Цинь.

Его взгляд тут же упал на Су Чэ, стоявшего позади командира в арестантской робе, которая, вопреки ожиданиям, была на удивление чистой. В глазах лекаря промелькнуло недоумение.

— Его зовут Су Чэ, — кратко и по существу доложил Цинь Фэн. — Ванье приказал временно прикомандировать его к твоему медицинскому лагерю, чтобы он искупил вину службой. Разрешаю ему заниматься врачеванием, но довольствие должно быть по нормам для преступников. Передаю его тебе.

Морщины на лице лекаря Ли, казалось, стали глубже. Он окинул взглядом тщедушную фигуру Су Чэ и его слишком юное лицо, в глазах мелькнуло неодобрение и легкое раздражение. В лагере и так не хватало рук, лекарства на исходе, раненные прибывают нескончаемым потоком, а теперь сюда еще суют этого изнеженного, явно не знавшего тягот жизни преступника? Что это еще за причуда Ванье?

Однако усомниться в приказе он не посмел и лишь поклонился:

— Слушаюсь, господин.

Цинь Фэн кивнул, даже не взглянув на Су Чэ, и развернулся, уходя так же стремительно, как и появился.

В палатке остались только Су Чэ, лекарь Ли и все еще стонущий от боли солдат.

Лекарь Ли вздохнул. Его тон не был гостеприимным, но и не звучал откровенно враждебно, скорее в нем сквозила крайняя усталость:

— Раз Ванье так распорядился, оставайся. По правилам лагеря, преступникам полагается половина рациона, спать будешь на самых дальних нарах у входа. В твои обязанности входит стирка бинтов, перетирание трав и переноска раненых. Без приказа не слоняться, а к лекарствам не прикасаться. Понял?

— Да, Су Чэ понял. Благодарю, лекарь Ли, — почтительно ответил Су Чэ, ведя себя крайне смиренно. Он прекрасно понимал свое положение: с такой репутацией остаться здесь — уже великая удача.

Похоже, покорность юноши пришлась лекарю по душе. Он указал на кучу грязных, пропитанных кровью и гноем бинтов в углу:

— Для начала перестирай это. Река за лагерем, по ветру, чтобы другим не мешать.

— Слушаюсь.

Су Чэ без тени колебаний подошел к грудке зловонных бинтов, присел и приготовился нести их. Его движения были естественны и спокойны, словно он делал самую обычную работу. Никакого отвращения или брезгливости. В прошлой жизни, работая в больнице, он видел вещи и похуже.

Лекарь Ли, наблюдая за его ловкими движениями, на мгновение удивленно приподнял брови, но промолчал и вернулся к осмотру стонущего солдата, продолжая работать всё так же грубо.

Су Чэ вынес тяжелую грудку грязных бинтов из палатки. На холодном ветру зловоние стало еще резче, но он и бровью не повел, направляясь к реке.

Стирка бинтов — работа каторжная. Вода ледяная, засохшая кровь и гной отмываются с трудом, приходится с силой тереть и отбивать ткань. Вскоре руки Су Чэ покраснели и онемели от холода, а сбитые в кровь костяшки в ледяной воде начали нестерпимо ныть.

Но он молчал, уткнувшись в работу. Его движения были сосредоточенными и тщательными — он знал, что от чистоты этих, казалось бы, мелочей зависит, начнется ли у раненого заражение.

Несколько учеников лекаря и помощников, работавших неподалеку, с любопытством поглядывали на него, перешептываясь:

— Гляди, новенький? И правда преступник?

— Ц-ц-ц, такой изнеженный, неужто сдюжит?

— Говорят, сам Ванье распорядился прислать его в лагерь, интересно, что за птица...

— Какая еще птица? Лишь бы проблем не добавил, глядя на его вид.

Насмешки и подозрения долетали до его ушей, но Су Чэ словно не слышал их, продолжая свое дело.

Закончив со стиркой, он получил новое поручение — толочь лекарства. Огромная каменная ступка и тяжелый пестик стали новым испытанием для его слабого тела. Он сжал зубы и продолжал работу, пока на лбу не выступили капли пота, а руки не заныли так, что их стало невозможно поднять.

В последующие дни жизнь Су Чэ состояла из этих тяжелых, однообразных дел. Стирка, растирание трав, переноска, уборка... Он молча выполнял все поручения, и как бы грязно или тяжело ни было, не проронил ни слова жалобы.

Иногда, перенося раненых, он бросал быстрый взгляд на их раны, мысленно оценивая состояние. Иногда, растирая травы, он, благодаря знаниям, опережающим эту эпоху, подсознательно улучшал состав и степень помола. Иногда, промывая инструменты, он с сожалением думал о том, что нет условий для их стерилизации.

Его прилежание, спокойствие, а также не по годам серьезное отношение к делу и выносливость постепенно меняли мнение окружающих. По крайней мере, он оказался не тем белоручкой, который только и умеет, что создавать проблемы.

Даже лекарь Ли, отдавая распоряжения, стал говорить мягче, хотя по-прежнему не допускал его к лечению.

В тот день в лагерь доставили новую партию раненых. Во время патрулирования границы они столкнулись с небольшим отрядом конницы кочевников. Раненых было немного, но несколько человек пострадали серьезно.

В лагере началась суматоха. Лекарь Ли с лучшими учениками отправился в главную палатку оказывать помощь тяжелораненым, а остальных распределили по малым палаткам.

Су Чэ поручили промыть рану молодому солдату, которому стрела оцарапала плечо. Рана была неглубокой, но забитой песком и грязью, требовавшей тщательной очистки.

Су Чэ принес теплой воды и достал остатки крепкого алкоголя — того самого, что пожаловал Ванье, — решив использовать его для промывки.

Солдат, увидев, что перед ним юнец в арестантской робе, засомневался:

— Эй, парень, ты справишься? Смотри, не делай больно, а то я тебе устрою!

Ученик лекаря, бинтовавший другого раненого, усмехнулся:

— Ван, да дай ты ему сделать. Преступник, хоть грязью помоешь — уже хорошо, чего ты привередничаешь?

Су Чэ, словно не слыша насмешек, спокойно сказал солдату:

— Господин воин, в ране много песка, ее нужно очистить, иначе пойдет заражение. Будет немного больно, потерпите.

Его голос был мягким и уверенным, в нем чувствовалась какая-то странная, успокаивающая сила. Солдат с сомнением посмотрел на него и проворчал:

— ...Ладно, только поосторожнее.

Су Чэ кивнул. Сначала он смыл теплой водой крупную грязь, а затем крайне осторожно, чистой полоской ткани, смоченной в алкоголе, начал вычищать каждую песчинку, въевшуюся в плоть. Его движения были легкими и точными, он старался не задевать поврежденные ткани, а взгляд его был сосредоточен, словно в руках он держал драгоценное произведение искусства.

Солдат, приготовившийся терпеть адскую боль, с удивлением обнаружил, что вместо нее чувствует лишь легкое покалывание и приятную прохладу. Он изумленно смотрел на умелые руки Су Чэ и его невероятно серьезное лицо, и проклятия, уже готовые сорваться с языка, застряли в горле.

Закончив промывку, Су Чэ приложил растертый свежий одуванчик (который он за эти дни научился находить в окрестностях) и перевязал рану чистой тканью:

— Господин воин, в ближайшие дни не мочите рану, завтра я приду сменить повязку.

Солдат пошевелил плечом, почувствовав облегчение, и не удержался от вопроса:

— Парень... ты где-то учился врачеванию?

Су Чэ опустил глаза, скрывая выражение лица, и тихо ответил:

— Дома немного занимался этим, так, поверхностные знания.

В этот момент из главной палатки донесся тревожный и досадный голос лекаря Ли:

— Не выходит! Кровотечение не остановить! Наконечник вошел слишком глубоко, слишком близко к сердцу! Если вытащить силой, он истечет кровью на месте!

Атмосфера в лагере мгновенно стала тяжелой.

Один из офицеров в отчаянии воскликнул:

— Что же делать? Неужели мы просто будем смотреть, как умирает военачальник Чжан?!

Сердце Су Чэ дрогнуло. Он невольно поднялся и посмотрел в сторону главной палатки.

Колебался он лишь мгновение.

Он понимал, что это риск, но в то же время — шанс. Шанс показать свою истинную ценность, а не просто быть прилежным слугой.

Он глубоко вздохнул, бросил солдату короткое отдыхайте и быстро зашагал к главной палатке.

Когда он откинул полог, его ударило в нос густым запахом крови. На простой койке лежал без сознания крупный мужчина с лицом цвета пергамента. В его груди торчало древко стрелы — наконечник глубоко ушел в плоть, края раны были разворочены, кровь продолжала бить ключом. Лекарь Ли изо всех сил прижимал рану руками, но толку было мало, он весь взмок от пота.

Окружающие ученики побледнели, не зная, что предпринять.

Су Чэ быстро оценил состояние раненого и характер кровотечения. В голове мгновенно созрело решение.

Он сделал шаг вперед, и его голос, негромкий, но отчетливый, достиг ушей каждого:

— Лекарь Ли, может быть... стоит попробовать метод прижигания, чтобы остановить кровь, а потом уже извлекать наконечник?

<http://bllate.org/book/18642/1795440>